

На правах рукописи

СЕМЕНОВ ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ В ПРИГРАНИЧНЫХ
РАЙОНАХ КИТАЯ И МОНГОЛИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1911-1918 гг.)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

ИРКУТСК - 2012

Работа выполнена на кафедре всемирной истории ФГБОУ ВПО
«Восточно-Сибирская государственная академия образования».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Есипов Владислав Витальевич.

Официальные оппоненты: Кузнецов Сергей Ильич
доктор исторических наук, профессор
(ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный
университет»)
Пузыня Николай Николаевич
кандидат исторических наук
(НОУ ВПО «Сибирская академия права,
экономики и управления»)

Ведущая организация: Сибирский федеральный университет

Защита состоится 16 февраля 2012 г. в 10 час. на заседании диссертационного совета Д.212.014.05. при Иркутском государственном университете (664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, к. 410).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Иркутского государственного университета (г. Иркутск, б. Гагарина, 24).

Автореферат разослан «___» 2012 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Логунова Г.В.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы традиционно определяется двумя факторами: общественно-политическим и научным. Взаимоотношения двух соседствующих держав – Китая и России на протяжении длительного периода истории не раз ставили целый ряд острейших проблем, которые власти обеих стран вынуждены были решать, сообразуясь с конкретными ситуациями и рассчитывая на конкретные результаты. Обращение к событиям, отдаленным от нас без малого вековой давностью, помогает понять структуру и логику этих двусторонних отношений.

Русско-китайские отношения являлись важной составляющей внешней политики как России, так и Китая. Рассматриваемый в диссертации период (канун и время Первой мировой войны) особенно важен, так как позволяет понять систему и характер современных межгосударственных отношений двух стран.

В условиях формирования новой нормативной и договорно-правовой базы консульской службы Российской Федерации особое значение приобретает исследование богатейшего опыта, накопленного дореволюционной Россией. Во второй половине XIX – начале XX в. консульскую службу Российской империи волновали проблемы, которые актуальны и в современных условиях. Так, постоянные дискуссии вызывал вопрос об объеме консульских обязанностей в сфере реализации потребностей частного предпринимательства, активно обсуждалась проблема кадрового обеспечения российских загранучреждений, поднимались вопросы о практической целесообразности института нештатных консулов и др.

Научный фактор определяется тем, что в современных условиях назрела необходимость изучить проблемы русско-китайских отношений накануне и в годы Первой мировой войны и попытки их решения русскими дипломатами. Изучение русско-китайских отношений через призму деятельности консулов, как представляется, позволит определить влияние личностных факторов на принятие решений в области политики, экономики, торговли. Введение в научный оборот ранее неиспользованных источников позволит уточнить уже существовавшие представления о характере и содержании российско-китайских отношений накануне и в годы Первой мировой войны.

Историография. Рассматриваемые в диссертации вопросы требуют проблемного подхода к изложению историографического материала. Поэтому при характеристике всего массива исследований, посвященных различным вопросам русско-китайских отношений в начале XX в., автор

считает необходимым выделить следующие разделы в историографическом обзоре:

- литературу, посвященную проблемам становления консульской службы на Дальнем Востоке;

- литературу, посвященную общим вопросам российско-китайских отношений по проблемам Монголии в контексте системы международных отношений в начале XX в.

Исследования, посвященные проблемам становления консульской службы на Дальнем Востоке, не многочисленны. Поэтому необходимость восполнения этого историографического пробела определяет, косвенным образом, актуальность изучения истории развития консульской службы Министерства иностранных дел России.

В дореволюционный период вышло в свет мало работ, специально посвященных истории русской дипломатии как системе органов государственной власти. Особо следует выделить изданный в ознаменование 100-летия МИД «Очерк истории министерства иностранных дел» (СПб, 1902). Поскольку авторами этого труда были чиновники самого МИД, он может рассматриваться как отражение официальных взглядов внешнеполитического ведомства на свою историю.

В советский период в рамках активной научной разработки проблем внешней политики России в период подготовки к Первой мировой войне вопросы, связанные с личным составом царской дипломатической службы, время от времени затрагивались в исторической литературе. Заметный вклад в эти исследования внесли Е.В. Тарле, П.А. Зайончковский и С.С. Татищев.¹

Вместе с тем, работ, посвященных истории внешнеполитического ведомства и его подразделений, имевших непосредственное отношение к «восточным делам», и конкретно, к консулам России в Китае, в это время было очень мало. Так, в монографии Ш. Б. Чимитдоржиева «Россия и Монголия» (1987) освещается, в основном, лишь ход русско-китайской торговли в Кяхте. Другие стороны взаимоотношений – культура, образование (несмотря на то, что именно в Кяхте существовала языковая школа, открытая по инициативе и усилиями МИД) не освещены².

Лишь в 90-х гг. XX в. в нашей стране разворачивается систематическое изучение дореволюционной дипломатической службы как неотъемлемой части истории российской внешней политики и дипломатии. Так, в коллективной работе «Российская дипломатия в портретах», посвященной деятельности ряда выдающихся российских дипломатов XVIII – начала XX в. отмечались «многовековой опыт, традиции и высокий профессионализм» российской дипломатии.³

¹ Тарле Е.В. Политическая история территориальных захватов XV–XX веков. М., 2001; Зайончковский А.М. Подготовка мировой войны в международном отношении. Л., 1926; его же: Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

² Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия / Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1987.

³ Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

Кардинальный пересмотр взглядов на отечественную историю способствовал существенному расширению диапазона исследований в области истории дипломатии. Особый интерес представляют работы В.А. Емеца о механизме принятия внешнеполитических решений в России.⁴

Важной вехой на пути дальнейшей разработки этой темы стал выход в свет в 1995–1997 гг. пятитомной «Истории внешней политики России. (Конец XV в. – 1917 г.)». В этом фундаментальном труде, особенно в разделах, принадлежащих перу А.В. Игнатьева, В.М. Хевролиной и В.А. Емеца, с новых методологических позиций были рассмотрены такие вопросы, как структура и организация деятельности МИД, роль дипломатов в системе органов государственной власти Российской империи, характер кадрового состава дипломатической службы, уровень его подготовки и т.п.

Новые подходы к исследованию отечественной дипломатии получили дальнейшее развитие в монографии А.В. Игнатьева «Внешняя политика России. 1907–1914 гг.: Тенденции. Люди. События» (2000). В связи с проведением масштабных научных и общественных мероприятий, посвященных юбилейным датам – 450-летию Посольского приказа, 200-летию со дня рождения А.М. Горчакова и 200-летию министерства иностранных дел России, отечественная наука обогатилась новыми крупными работами по истории российской дипломатии. Первостепенное значение имеют трехтомные «Очерки истории Министерства иностранных дел России», вышедшие в свет в 2002 г. в ознаменование 200-летия МИД. Немалую научную ценность имеют также опубликованные труды специалистов Историко-документального департамента (ИДД) МИД России и подчиненного ему Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).⁵ Именно им принадлежала инициатива в разработке проблем личного состава и кадровой политики МИД. Опубликованные в этих работах документы также обстоятельно проанализированы под юридическим углом зрения в работе Е.В. Сафроновой по истории российской консульской службы.⁶

О растущем интересе к кадровым и личностным аспектам истории дореволюционной дипломатической службы свидетельствует дальнейшее расширение диапазона исследований в этой области. Примерами могут служить работы А.Н. Хохлова о подготовке кадров для российской консульской службы в Китае, а также М.М. Кононовой о деятельности русских дипломатов в эмиграции.⁷

---

⁴ Емец В.А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории: сб. ст. М.: Наука, 1994.

⁵ Информационный бюллетень Историко-документального департамента МИД России. 2000-2002; Дипломатический вестник МИД России. М., 2001. № 4-5.

⁶ Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX в. СПб, 2002.

⁷ Хохлов А.Н. Подготовка кадров для российской консульской службы в Китае (студенты-стажеры при Российской дипломатической миссии в Пекине) // Российская дипломатия: история и современность: материалы науч.-практ. конф. М., 2001; М.М. Кононова. Русские дипломатические

Специальными исследованием можно считать работу В.В. Первенцева, которая, однако, не имела цели формирования целостного концептуального взгляда на консульскую службу Российской империи в Китае. В ней автор осветил лишь отдельные аспекты развития консульской службы в контексте внешней политики России рассматриваемого периода.⁸

Таким образом, отдельных трудов, специально посвященных деятельности российских консулов в Китае накануне и в годы Первой мировой войны, по-прежнему ни в нашей стране, ни за рубежом пока нет,

Историография второго вопроса – русско-китайские отношения в Монголии в начале XX в., имеет некоторые особенности.

Отметим, что русско-китайские отношения в Монголии стали предметом серьезного изучения как в русской и советской исторической литературе, так и в постсоветской. Как пишет исследовательница Е.М. Даревская: «Дореволюционная русская литература наибольшее внимание уделяла экономическим связям, особенно после русско-японских соглашений 1907–1910 гг., о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке».⁹ Действительно, именно тогда Внешняя Монголия и Северная Маньчжурия были отнесены к зоне интересов Российской империи. Буржуазия России начала энергично изучать новый рынок, закрепленный за ней соглашением двух ведущих держав. Большое внимание политическим проблемам русско-монгольско-китайских отношений уделялось в начале XX в. Достаточно много писали по этому вопросу русские военные – А.Н. Куропаткин, Ю. Кушелев, А.В. Баранов и другие, или такая яркая и противоречивая личность, как П.А. Бадмаев. Они рассматривали русско-китайские отношения, исходя из национальных и военно-стратегических интересов России в этом регионе.¹⁰

Сущность политики царизма по отношению к Монголии в 1911–1915 гг. наиболее объективно оценил правовед Б.Э. Нольде – как протекторат России над автономной Монголией при сохранении сюзеренитета Китая¹¹.

Вопросы русско-монгольско-китайских отношений активно обсуждались членами Общества русских ориенталистов в Харбине, о чем свидетельствуют многочисленные публикации по данным проблемам на страницах журнала «Вестник Азии». Большое внимание современники уделяли и русской торговле в Монголии: наши торговые интересы в Монголии, русская торговля в Монголии в характеристике местного

представительства в эмиграции (1917–1925). М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2004.

⁸ Первенцев В.В. Консульская служба России (XVIII – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

⁹ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. С. 5.

¹⁰ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. Пг., 1913; Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. Пг., 1912; Баранов А. Материалы по Маньчжурии и Монголии. Барга и Халха. Харбин, 1907; Бадмаев П.А. Россия и Китай. Пг, 1905.

¹¹ Нольде Б.Э. Международное положение Монголии // Право. 1915. 23 июня.

купечества, к вопросу о чайной монополии в Монголии – это лишь малая часть вопросов, рассматриваемых исследователями в 1909–1915 гг.¹²

Деятельность русских консулов в Китае современниками подробно не рассматривалась. Так, в работе Ф.Ф. Мартенса «О консулах и консульской юрисдикции на Востоке» речь идет о становлении консульской службы в странах Востока вообще, нет даже упоминаний о появлении таковой в Китайской империи.¹³

Среди историков 20–30-х гг. XX в. встречались оценки, которые в более поздних публикациях подвергались критике. Так, например, в очерке «Советской сибирской энциклопедии», посвященном МНР, говорится о том, что освобождение монголов в 1911–12 гг. от китайского гнета не означало получения действительной свободы, так как был установлен гнет царской России.¹⁴

Советские историки продолжили изучение проблем русско-китайско-монгольских отношений. Активно работали и работают в этом направлении сибирские ученые. Крупным научным центром был и остается Институт монголоведения и буддологии в Улан-Удэ. Советской историографией накоплено большое количество работ по изучаемой проблеме, проанализировать которые в полном объеме не представляется возможным. Поэтому в данном историографическом обзоре отмечены лишь наиболее значимые, с точки зрения поставленной проблемы, работы.

Отношениям в треугольнике Россия – Монголия – Китай посвящена четвертая глава последней монографии В.С. Мясникова, крупнейшего специалиста в области изучения русско-китайских отношений, вышедшей в 1997 г. Эта работа носит фундаментальный характер, но в ней также не нашла отражение деятельность российских консулов в приграничных районах Китая.¹⁵

Большой вклад в изучение русско-монгольских отношений на региональном уровне внесла Е.М. Даревская. Ее монография «Сибирь и Монголия» вызвала широчайший интерес среди монголоведов своей

¹² Наши торговые интересы в Восточной Монголии // Вестник Азии. 1909. Кн. 1. С. 122-135; Штейнфельд Н. Русская торговля в Монголии в характеристике местного купечества // Вестник Азии. 1909. Кн. 2. С.112-129; К вопросу о чайной монополии в Монголии // Вестник Азии. 1915. Кн. 33. С. 151-160; Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли: Экспедиция в Монголию 1910 г. Томск, 1911; Свечников А.П. Русские в Монголии / С дополнениями В.Ф. Люба и заметками В.Л. Котовича. СПб., 1909; Гурьев Б. Русская торговля в Западной Монголии. Русская торговля в Восточной Монголии // Вестник Азии (Харбин). 1911. № 10 и т.д.

¹³ Мартенс Ф.Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873; Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. В 2 ч. М., 1899.

¹⁴ Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск: 1932. С. 537-538; Калинин А.Н. Национально-революционное движение в Монголии. М.-Л., 1926; Саввин В.П. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М.-Л.: 1930; История Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 264-265.

¹⁵ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. Хабаровск, 1997.

энциклопедичностью. В книге рассматривается практически весь спектр связей между Россией и Монголией в конце XIX— начале XX вв.¹⁶

Продолжил изучение взаимоотношений Сибири и Монголии Е.И. Лиштованный, сделав главными проблемы культурного взаимодействия и взаимовлияния Сибири и Монголии. В своей монографии, увидевшей свет в 1998 г., он исследует ряд этапов в процессе формирования общественного и научного интереса сибиряков к Востоку вообще и к Монголии в частности.¹⁷

Много и плодотворно в области изучения отношений России, Монголии и Китая работает С.Г. Лузянин. Серия его статей и других публикаций по данной тематике завершилась защитой кандидатской диссертации в 1984 г. на тему «Русско-монгольские отношения 1911–1917 гг.». В последнее время хронологические рамки его работ расширились и включают годы Второй мировой войны.¹⁸

Среди современных российских исследователей проблем русско-китайско-монгольских отношений начала XX в. нельзя обойти вниманием Е.А. Белова. В его докторской диссертации «Русско-китайские отношения в 1911–1915 гг.» монгольскому вопросу посвящена отдельная глава. Итогом его научных изысканий в этой области стала монография «Россия и Монголия (1911–1919 гг.)», основанная на неиспользованных ранее архивных документах.¹⁹

Международные взаимоотношения в треугольнике Россия – Монголия – Китай изучались Ю.В. Кузьминым. Им посвящена вторая глава его докторской диссертации, а также работа, освещающая русско-монгольские отношения в конце XIX – начале XX в.. Указанные работы Ю.В. Кузьмина носят историографический характер и являются ценным источником для изучения особенностей международных отношений в данном регионе.²⁰

Проблемы пограничных конфликтов и взаимодействий стали объектом исследования В.Г. Дацышена – востоковеда из Красноярска. В работе 2000 г. «Очерки истории российско-китайской границы во 2-ой половине XIX – начале XX в.»²¹ автор рассмотрел территориальные проблемы на российско-китайской границе: Урянхайский и Барлыкский вопросы, непосредственно связанные с монгольским населением «застенного Китая». В.Г. Дацышен, как и большинство исследователей русско-китайско-монгольских отношений,

¹⁶ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994.

¹⁷ Лиштованный Е.И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX – 30-е гг. XX в.). Улан-Удэ, 1998; Лиштованный Е.И. Монголия в истории Восточной Сибири. Иркутск, 2002.

¹⁸ Лузянин С.Г. Русско-монгольские отношения 1911–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984; Лузянин С.Г. Россия - Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000.

¹⁹ Белов Е.А. Русско-китайские отношения 1911-1915 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: 1993; Белов Е.А. Россия и Монголия в начале XX в. (1911–1919 гг.). М., 1998.

²⁰ Кузьмин Ю.В. Россия и Монголия на рубеже веков: русско-монгольские отношения конца XIX – начала XX в. в российских исследованиях: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002.

²¹ Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во 2-ой половине XIX – начале XX в. – Кызыл, 2000.

опирается на тексты Пекинского и Санкт-Петербургского договоров между Россией и Китаем.²²

В 2003 г. в свет вышла монография Н.Е. Единарховой «Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.)». В третьей главе своей работы автор описала деятельность русских на территории Внешней Монголии, реконструировала ход колонизации края российскими предпринимателями, деятельность в Монголии русских военных советников, советников по вопросам финансов и просвещения.²³ Вместе с тем, тема деятельности консулов в Монголии осталась за рамками исследования этого ученого. Частично Н.Е. Единархова восполнила пробел работой 2008 г. «Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев». Однако хронологические рамки этой работы, как видно из ее названия, заканчиваются 1911г., когда первый русский консул в Монголии – Я.П. Шишмарев, покинул свой пост и удалился на пенсию.²⁴ Что было с консульством при его приемниках, как действовала консульская службы России в приграничном Китае в «эпоху перемен», осталось до сих пор неизученным.

В 2009 г. Н.Е. Единархова и И.П. Николаева издали книгу «Колонизация Монголии (XVII – начало XX в.)». В этой работе приведено большое количество сведений о взаимодействии России и Китая в Монголии после Синьхайской революции. Авторы подробно изучили ход колонизации Внутренней и Внешней Монголии обоими государствами и политические последствия подобного экономического проникновения.

Заметный вклад в изучение проблем, затрагиваемых в данной диссертации, внесла В.А. Моисеева. Этим автором изучены узловые проблемы русско-китайских отношений в Центральной Азии во второй половине XIX в. – 1917 г..²⁵

В последнее десятилетие значительно активизировалось исследование проблем, затрагиваемых в данной диссертации. Был защищен целый ряд диссертаций прямо или косвенно относящихся к теме. Среди них следует выделить труды В.А. Василенко, О.Н.Бекетовой, А.Г.Колмакова²⁶. Указанные диссертации представляют собой интересные и фундаментальные

²² Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX в. Красноярск: 2000.

²³ Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Оттиск, 2003.

²⁴ Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев: монография. Иркутск: Репроцентр А1, 2011.

²⁵ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003.

²⁶ Василенко В.А. Проблема Урянхайского края в политике России, Китая и Монголии (вторая половина XIX в. – 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук. 07.00.03. Иркутск, 2006; Колмаков А.Г. Тува как объект геополитических интересов России и других государств в ХУШ-начале XX века. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.03. Кызыл, 2006; Бекетова О.Н. Монголия в международных отношениях первой половины XX в.: борьба страны за независимость. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.03. Иркутск, 2009.

разработки различных аспектов русско-монгольско-китайских отношений в начале XX века.

Монгольские историки также внесли свой вклад в изучение взаимоотношений России и Монголии в начале XX в. Эти вопросы рассматриваются чаще всего в общих трудах по истории Монголии. Например, в работе Б. Ширендыба «История Монгольской народной революции 1921 г.» большое внимание уделяется роли России в борьбе Монголии за независимость.²⁷ Изучали данную проблему и другие представители старшего поколения монгольских историков: Ш. Нацагдорж, Д. Даш, Ш. Сандаг, Ц. Пунцагноров и др.²⁸

В 1999 г. в Англии вышла книга «Twentieth Century Mongolia by Vaabar». В этом издании (нам удалось с ним познакомиться) события начала XX в. также нашли свое отражение.²⁹

Тройственное соглашение 1915 г. между Россией, Монголией и Китаем, его место и значение для Монголии было изучено молодым монгольским историком О. Батсайханом. Автор считает, как и его русские предшественники 20-х гг. XX в., что Кяхтинское соглашение 1915 г. уничтожило монгольскую независимость.³⁰

Проблемы взаимоотношений России, Монголии и Китая в 1911–1919 гг. затрагиваются и в монографии К. Дэмбэрэла, где русско-монгольским отношениям в 1911–1919 гг. посвящен отдельный параграф.³¹ Оценка К. Дэмбэрэлом событий начала XX в. представляется более взвешенной и осторожной.

В зарубежной литературе деятельность русских в Монголии, их отношений с монголами даются фрагментарно, в общих работах по истории Монголии. Так, О. Латтимор характеризовал, прежде всего, межгосударственные связи. Но, тем не менее, он отмечал, что между русскими и монголами в начале XX в. поддерживались дружественные отношения.³²

Относительно треугольника Россия – Монголия – Китай в начале XX в. западные исследователи высказывают разные точки зрения. Дж. Фритерс, Ч. Бауден и О. Латтимор считают, что главная опасность для Монголии

²⁷ Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX – XX вв. Улан-Батор, 1963; Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 г. М., 1971.

²⁸ Сандаг Ш. Образование Монгольского феодально-теократического государства и его внешняя политика (1911–1919): дис. ... канд. ист. наук. М., 1958. Нацагдорж Ш. Из Истории Аратского движения во Внешней Монголии. Улан-Батор, 1958; Даш Д. Они сражались за свободу и независимость монгольского народа. Улан-Батор, 1967.

²⁹ Twentieth Century Mongolia by Vaabar. Cambridge, 1999.

³⁰ Батсайхан О. Монголын тусчаар тогтнол ба хятад, орос, монгол гурван улсын 1915 оны хиагтын гэрээ (1911–1916). Улан-Батор, 2002.

³¹ Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. Иркутск, 2002.

³² Lattimore O. Nomads and Commissars. N.-Y., 1951.

исходила со стороны Китая, а Р. Рупен, П. Тан и Ма Хатьен видели главную опасность для Монголии в лице России.³³

Здесь отмечены лишь некоторые крупные работы, отражающие различные точки зрения. Есть еще и огромное количество статей, тезисов докладов. Поэтому можно констатировать, что русско-монгольские отношения в треугольнике Россия – Монголия – Китай в начале XX в. и роль России в событиях 1911–1919 гг. в Монголии изучены достаточно глубоко, и в данной работе они не исследуются, а все оценки даются только по литературе.

Вместе с тем, обобщающего исследования деятельности российских консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны никем не предпринималось.

Целью данного исследования является изучение деятельности русских консулов в решении тех проблем, которые возникали в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны.

Исходя из обозначенной цели, автор в ходе исследования намерен решить следующие **задачи**:

- рассмотреть историю появления, функции и полномочия института дипломатической службы (консулов и посланников) Российской империи в Китае;

- изучить деятельность российских консулов в Западной Монголии и на Алтае;

- исследовать деятельность российских консулов в Маньчжурии и Восточной Монголии накануне и в годы Первой мировой войны;

- изучить деятельность русского консула в Урге по защите российского влияния в Халхе;

- рассмотреть политическое положение в Урянхайском крае в годы Первой мировой войны, отраженное в переписке российских уполномоченных;

- проследить процесс решения пограничных проблем России и Китая в контексте русско-китайских отношений в годы Первой мировой войны.

- показать, что российские консулы были полноправными политическими агентами российской империи и в своей практической деятельности решали важные государственные задачи.

Объектом данного исследования являются проблемы русско-китайских дипломатических отношений накануне и в годы Первой мировой войны, а **предметом** – деятельность русских консулов в северных пограничных районах Китая – в Монголии.

Территориальные рамки диссертационной работы определяются границами Монголии в начале XX в. Понятие «Монголия» во второй половине XIX – начале XX в. подразумевало территорию между Великой китайской стеной на юге и границей с Россией на севере; между

---

³³ Fritters G.M. *Onter Mongolia and its Internanional Poasition* – London, 1951. , Bawden Ch. *The Modern Histori of Mongolia*. N.Y., 1968., Rupen R. *Nhe Mongolia of the Twenieth Centuri*. Pt. 1-2 – Bloomington. 1964.

Маньчжурией на востоке и провинцией Синьцзянь на западе. Именно так границы Монголии понимали и русские купцы, руководствовавшиеся «Правилами сухопутной торговли 1862 г.», вторая статья которых гласила: «Русские купцы с мелкими капиталами имеют право торговать беспошлинно по всей подчиненной Китаю Монголии и по всем аймакам».³⁴ Это положение было закреплено в 12-ой статье Санкт-Петербургского договора между Россией и Китаем 1881 г.³⁵, который сохранял силу до событий 1911 г. в Монголии.

В данной работе впервые предпринимается попытка изучения деятельности русских консулов на всем этом обширном культурно-историческом пространстве.

Хронологические рамки охватывают период с 1911 г. по 1918 г. XX в. Данный временной промежуток интересен тем, что он в полной мере отражает процесс становления и развития российско-китайских отношений в драматичный период мировой истории. Выбор нижней хронологической рамки исследования обусловлен началом территориального распада Китая (Цинской империи) в результате Синьхайской революции. Определение верхней хронологической рамки, 1918 г., – аналогичным процессом в северной державе – Российской империи.

Источниковую базу составили как опубликованные, так и неопубликованные источники: архивные материалы, опубликованные документы по истории внешней политики и международных отношений, мемуары государственных и политических деятелей, публицистика и пресса. Одни источники впервые вводятся в научный оборот, другие – интерпретируются в разрезе исследуемых в диссертации проблем.

В число исследованных автором **опубликованных источников** вошли законодательные акты и подзаконные документы, консульские уставы Российской империи и их редакции, нормативно-правовые акты, регламентировавшие деятельность российских консулов на Востоке, а также их ведомственные инструкции российским консулам.

К этой группе источников относятся также изданные консульские донесения, проекты законодательных актов, призванные регулировать консульскую службу, предложения консулов и других должностных лиц Министерства иностранных дел.

Существенный интерес представляют замечания по поводу консульской службы видных чиновников Министерства иностранных дел России. Особую группу опубликованных источников составили международные договоры России (консульские конвенции, конвенции о наследствах, договоры о торговле и мореплавании, содержащие нормы о консульских отношениях); международные документы: трактаты, конвенции, договоры и соглашения, заключенные Россией с другими государствами (о

---

³⁴ Сборник договоров России с Китаем (1689–1881 гг.). СПб., 1889. С. 37.

³⁵ Там же. С. 197.

высылке и выдаче иностранцев, о торговом мореплавании и судоходстве, о границах, по отдельным вопросам гражданского судопроизводства и др.).³⁶

В 1960 г. Историко-дипломатическое управление МИД СССР начало издание многотомного собрания «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел». Издание продолжается до сих пор и уже насчитывает 16 томов. Оно представляет собой ценную источниковую базу для исследования деятельности российских консулов в Монголии и Китае в начале XX века

Основные источники взяты из фондов Архива внешней политики Российской Империи (АВПРИ): фонд 154 «Азиатский департамент», фонд 133 «Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД», фонд «Департамента личного состава и хозяйственных дел», фонд 292 «Консульство в Урге» и фонд 143 «Китайский стол».

Так же использованы материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): фонд № 818 и фонд № 102, содержащие материалы по Маньчжурии.

В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) использован фонд №25 «Главное управление Восточной Сибири».

Материалы Государственного центрального архива республики Тыва (ГЦАРТ) представлены документами фонда 112 «Управление комиссара по делам Урянхайского края 1890–1919 гг.», «Особым журналом Совета министров 1912–1915 гг.», «Циркулярами МВД».

Российский государственный исторический архив (РГИА) представлен в диссертации фондом 1265 «Второй Сибирский комитет», фондом 1315 «Комиссия для обозрения состояния Приамурского края» и фондом 1284 «Департамент общих дел МВД».

В качестве источников были использованы газеты и журналы начала XX в. В процессе изучения темы исследованы публикации в столичных и провинциальных журналах и газетах: «Далекая окраина», «Вестник Азии», «Известия Сибирского отделения Императорского русского географического общества», «Вопросы колонизации», «Современник», «Русский вестник», «Русское богатство», «Сибирские вопросы», «Сибирь», «Вестник Европы», «Военный сборник», «Золото и платина».³⁷ Так, в

³⁶ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927; Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958; Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1958; Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905. СПб., 1906; Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, формах: справочник. Вып. 1-2. М.: Международные отношения, 1995.

³⁷ Иванов Л. Цзинь – лань-пу // Вестник Азии. Харбин, 1914. № 30. С. 5-18; Палладий. Уссурийские маньчжы // Изв. ИРГО. 1871. Т. 7. СПб., 1872. С. 37; Гребницкий Н.Л. Значение китайско-корейского элемента в деле колонизации Южно-Уссурийского края // Известия Сибирского отд. ИРГО. Т. 8. № 5-6, 1877; Вальтерегаузен С. Вопрос о труде китайцев // Вопросы колонизации. 1916. № 19; Вережников А. Китайская толпа // Современник. 1911. № 4; Духовецкий Ф. Желтый вопрос // Русский вестник. 1900. Декабрь. С. 737-748; Клеменц Д. Беглые записки о желтой опасности // Русское богатство. 1905. № 7; Боголепов М. Таможенные бастионы в Приамурье // Сибирские вопросы. 1906. № 6; Роль японцев в экономической жизни Уссурийского

иркутской еженедельной газете «Сибирь» регулярно публиковались статьи, в которых обсуждались пограничные проблемы и проблемы русско-китайской торговли. В газете «Восточное обозрение» появлялись статьи об общих проблемах русско-китайских отношений. В «Военном сборнике» регулярно размещались путевые заметки русских офицеров, дававшие интересную информацию социально-экономического характера.

Важнейшую группу источников составляет **мемуарная литература**, значительная часть которой давно введена в научный оборот, однако, нуждается в новом прочтении с точки зрения целей настоящей диссертации. Речь идет, прежде всего, о дневниках и воспоминаниях министров иностранных дел России Н.К. Гирса, В.Н. Ламздорфа, А.П. Извольского и С.Д. Сазонова, а также содержательные мемуары бывшего царского дипломата Ю.Я. Соловьева.³⁸ Ценные сведения о быте, мировоззрении и политических взглядах дипломатов содержатся в недавно опубликованных воспоминаниях бывшего посланника в Пекине И.Я. Коростовца.³⁹ В числе мемуарных источников следует назвать и широко известные воспоминания С.Ю. Витте, где, в первую очередь, интересовала его дальневосточная деятельность.

Таким образом, для исследования деятельности российских консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны привлечен широкий круг различных источников: материалы официального делопроизводства, международные договорные акты, источники личного происхождения, статистические данные, периодические издания.

Методологической основой исследования являются принципы диалектики и историзма, научности и объективности. Применение принципов диалектики и историзма позволило исследовать исторический процесс формирования и модернизации политики России по отношению к Китаю, проследить происходившие явления в конкретно-историческом

края // Сибирские вопросы. 1906. № 2; Ковалевский М. Порто-франко во Владивостоке // Вестник Европы. 1909. Т. 255. С. 423-437; Рагоза А. Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник. 1903. № 6, 7; Ковалевский М. Порто-франко во Владивостоке // Вестник Европы, 1909. Т. 1 С. 423-437; Комов А. Желтая раса и рабочий вопрос в Амурской золотопромышленности // Сибирские вопросы. 1909. № 32; Комов А. О китайцах и корейцах в Приамурском крае // Сибирские вопросы. 1909. № 27; Мацокин П.Г. Оценка данных производств в японских, китайских и европейских ремесленно-промышленных заведениях за 1910-11 гг. // Вестник Азии, 1911. № 10; Надаров И.П. Хунхузы в Южно-Уссурийском крае // Военный сборник. СПб., 1896. № 9; Панов А.А. Желтый вопрос на Дальнем Востоке // Сибирские вопросы. 1909. № 49-50; Рагоза А. Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник. СПб., 1903. № 6; Тульчинский К.Н. Иностранные капиталы в Сибири // Золото и платина. 1907 № 6. С. 103-111; Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия ВСО ИРГО. Т. 14. № 1-2. Иркутск. 1883.

³⁸ Giers N.K. The Education of a Russian Statesman. The Memoirs of Nicholas Karlovich Giers. University of California Press, 1962; Ламздорф В.Н. Дневник, 1886–1890. М., 2003; его же: Дневник, 1891–1892. М., 2003; его же: Дневник 1894–1896, М., 1991; Извольский А.П. Воспоминания, М., 1989; Сазонов С.Д. Воспоминания, Париж, 1927., Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1959.

³⁹ Коростовец И.Я. От Чингисхана до советской республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). – Улан-Батор: ЭМГЭНТ, 2004.

контексте. Объективность и научность исследования проявились в критическом анализе используемых источников, формулировании итоговых положений и выводов на основе фактической источниковой базы с позиций объективного изучения факторов, обусловивших деятельность дипломатических служб Российской империи.

При проведении исследования широко использовался системный подход, позволивший проанализировать объект исследования как единое целое и в то же время как сложную структуру, представляющую собой совокупность взаимосвязанных элементов, а также как составляющую более сложной системы. Система обладает собственными конкретными переменными (заключенными в формы и отраженными в названиях параграфов нашего исследования), обеспечивающими вместе с факторами и условиями существования системы ее целостность на том или ином временном этапе. Между элементами системы существуют постоянные разноуровневые связи, изучение которых позволяет выявить эволюцию и качественные характеристики системы.

С точки зрения функциональности одним из регуляторов системы выступают взгляды российских дипломатов на международную обстановку того времени. В работе при анализе деятельности дипломатических служб Российской империи в отношении Китая и Монголии был применен интегративный подход, который заключается в исследовании правового положения в тесной связи с деятельностью субъектов в обществе, условиями и потребностями социальной действительности.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка аналитического исследования деятельности российских консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны (1911–1918 гг.). Особое внимание автор намерен уделить раскрытию проблем русско-китайских отношений и попыткам их решения русскими дипломатами.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что положения работы могут быть использованы в учебном процессе, при чтении курсов «Новая и новейшая история стран Азии и Африки», спецкурсов «Международные отношения накануне Первой мировой войны», «Россия и страны юго-восточной Азии» и др. на историческом факультете.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано 8 работ, в том числе 2 статьи в реферируемых журналах из списка ВАК.

Полученные в ходе работы результаты исследования были апробированы на научных международных и научно-практических конференциях, Иркутском государственном университете, в Восточно-Сибирском институте МВД России, Восточно-Сибирской государственной академии образования.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Введение. Во введении обоснована актуальность темы, выясняется степень её изученности, определяются цель и задачи, хронологические и территориальные рамки, дана характеристика источниковой базы исследования, показана научная новизна и практическая значимость изучаемой темы.

Первая глава «Консулы Российской империи в Китае: история появления, функции и полномочия» посвящена исследованию процесса становления консульской службы на востоке Российской империи.

Пекинская дипломатическая миссия России была учреждена в 1861 г. В 1863 г. возглавлявший дипломатическую миссию в Пекине министр-резидент был возведен в ранг посланника. Ему подчинялись многочисленные российские консулы в Китае.

В России, как и в других монархиях, право назначать консулов принадлежало императору. О назначении объявлялось «во всеобщее сведение» в «Правительственном вестнике» в виде «высочайшего повеления». Получив экзекватуру и принеся в церкви присягу императору, заверенную должным образом, которую затем консул отсылал в МИД, он считался приступившим к своим обязанностям.

К концу XIX в. консульская служба России становилась всё более организованной. Консулы на востоке делились на штатных и нештатных: штатными являлись должностные лица, состоящие на консульской службе. Различие сводилось, в основном, к тому, что штатные консулы получали определенное содержание из казны, нештатные консулы его не получали, хотя и входили в число сотрудников МИД.

К 1902 г. за рубежом функционировало уже 29 генеральных консульств, 39 вице-консульств, более 300 нештатных консульских учреждений, в том числе в Китае, Японии, Турции, Персии, Марокко, Аргентине и Перу. Генеральные консульства России приступили к работе в Шанхае (1896 г.), Харбине (1907 г.) и Мукдене (1908 г.).

В Китае консулы способствовали не только расширению российской внешней торговли, но и лучшей осведомленности МИД России о внутривосточном положении на местах. Формально, не имея политического статуса, консулы в действительности являлись довольно активными проводниками внешней политики российского руководства, особенно в Цинской империи.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, а затем и революция 1917 г. не позволили осуществить многие из задуманных программ, в связи с чем Китай в 1919 г. восстановил свою власть в Монголии.

Главной особенностью деятельности консульских учреждений России на Востоке явилось право консула на осуществление судебной власти над своими соотечественниками в государстве пребывания, или так называемая консульская юрисдикция.

Вторая глава «Деятельность российских консулов в монгольских провинциях, оставшихся под юрисдикцией Китая в 1911–1917 гг.» представляет мероприятия российских консулов в Западной Монголии и на Алтае, в Восточной Монголии, освещает проблему политического статуса Барги и проблему спиртового производства в Восточной Монголии как объект деятельности российских консулов

В параграфе 1 – «Деятельность российских консулов в Западной Монголии и на Алтае накануне и в годы Первой мировой войны» рассматривается процесс активизации захватнической политики китайских властей в 1911–1917 гг. на русско-китайской границе. В эти годы Пекин приступает к интенсивному заселению пограничных с Россией территорий. В частности, был создан самостоятельный в административном отношении Алтайский округ с центром в крепости Шара-Сумэ. Вскоре на политической карте Цинской империи появился новый административный округ с центром в Шара-Сумэ, получивший китайское название Ченхуа. Китай приступает к последовательному и неуклонному вытеснению из края русских торговцев и промышленников. Российская торговля понесла значительные убытки, кроме того, был нанесен ощутимый удар по престижу России в крае.

Важной задачей российских дипломатов в Китае в этих условиях становится защита российских экономических интересов в регионе, что стало особенно актуальным после свершения в Китае революции 1911 г. Важные события в это время происходят в Кобдо и российские дипломаты прилагают немало усилий для предотвращения вооруженных столкновений между китайскими и монгольскими отрядами. Российским дипломатам посредством переговоров удалось достигнуть этой цели, и в результате отступления китайских отрядов Синьцзян и Западная Монголия оказались «в российских руках»

В параграфе 2 «Деятельность российских консулов Восточной Монголии накануне и в годы Первой мировой войны» рассматриваются: проблема политического статуса Барги в деятельности российских консулов и проблема спиртового производства в Восточной Монголии в деятельности российских консулов.

Под Баргой исследователи понимают Хайларское фудутунство, область Кулунбер, населенную солонями и монгольскими племенами бурят и слотов. Особенностью Барги было то, что по её территории проходила Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Проведение КВЖД усилило приток русских в Баргу. Вдоль полосы отчуждения стали возникать русские поселки, жители которых занимались земледелием. Кроме того, «Общество КВЖД» арендовало земли у монгольских княжеств под посевы пшеницы, что усилило приток в край китайских переселенцев-земледельцев

Усиление колонизации Барги со стороны Китая сопровождалось отстранением баргутов от власти. Их должности передавались китайцам. Все это вызывало недовольство местного населения политикой маньчжурских властей. Под влиянием китайской революции в большинстве хошунов Барги начались вооруженные восстания. На тайном съезде баргутской

знати в ноябре 1911 г., как и в Халхе, было решено провозгласить независимость Барги.

С.Д. Сазонов придавал «баргинскому вопросу» большое значение, считая его неотъемлемой частью всей монгольской проблемы и потому направил В.Н. Крупенскому перечень условий России для передачи их китайскому правительству. Пекин согласился признать действительными заключённые ранее российскими промышленниками договоры с властями Хулунбуира. Барга (Хулунбуир) объявлялась «особой областью, непосредственно подчиненной центральному правительству Китайской республики и входила в состав Внутренней Монголии».

Русские консулы в 1912–1915 гг. действовали в следующих направлениях при решении баргинского вопроса: во-первых, они предпринимали шаги к тому, чтобы Барга (Восточная Монголия) не была присоединена к Халхе (Северной Монголии), во-вторых, прилагали посреднические усилия, чтобы монголы Барги вели переговоры с Пекином о статусе Барги в составе Китая. После февральских событий 1917 г. в России китайцы захватили власть в Барге.

Важным для российской стороны в начале XX в. был вопрос запрещения продажи спирта русскому населению на границе России, Восточной Монголии и Маньчжурии. В рассматриваемый период времени на восток России ввозилось огромное количество контрабандного спирта. Борьбу с контрабандой спиртных напитков в России тогда вели, во-первых, таможенное ведомство, а во-вторых, акцизное управление, появившееся в регионе в 1907 г. и состоявшее из 18 конных акцизных контролеров.

Основное внимание в деле борьбы с контрабандой спирта российскими властями отводилось заключению антиспиртового соглашения с Китаем и Монголией. Переговоры относительно заключения соглашения о запрещении провоза спирта и ханшина (китайской национальной водки) между монгольской и русской стороной начались в декабре 1912 г.

Деятельность консулов России в Маньчжурии по противодействию контрабанде китайского спирта в российские пределы, несмотря на отдельные успехи, не завершилась прекращением «спиртоносчества», процветавшего в треугольнике Монголия – Маньчжурия – Забайкалье (Барга). Это тем более было удивительно, что Барга с 1914 г. контролировалась российской полицией как министерской, так и вневедомственной (золотопромышленников).

В паргаграфе 3 «Ситуация в Южной (Внутренней) Монголии глазами российских консулов накануне Первой мировой войны». Рассматриваются проблемы произвола цинских чиновников, хищнической деятельности китайского торгово-ростовщического капитала, массового переселения китайцев, захватывавших лучшие земли в Южной Монголии.

Основной формой сопротивления монголов стало так называемое дугуйланское движение. В начале XX в. монголы Уланчжойского сейма оказали сильное сопротивление китайцам и устроили беспорядки. Отдельные монгольские отряды, по донесению российского консула в Харбине, взяли

Чжень-дунь-сян, а позднее ими были заняты селения к северу от Таонаньфу: У-цзя-цзинь, Цинь-ань-сян, Ха-ша-ту. Успехом монголы пользовались лишь при внезапных нападениях, но когда их отрядам пришлось столкнуться с регулярными китайскими войсками, они потерпели поражение. Именно поэтому занятые монголами территории были вскоре отвоеваны китайцами.

По донесениям российских консулов, монголы готовились к новым нападениям на китайские села и города. В рядах монгол было много китайских монархистов и маньчжур. Смятение китайцев в консульских кругах объяснялось тем, что создавшейся ситуацией вполне могли воспользоваться Петербург и Токио и потребовать передать охрану порядка в регионе России и Японии. Но китайские власти действовали не только силой оружия. В целях удержать Монголию в составе Китайской республики, заинтересовать монгол в сохранении целостности государства они пошли на уступки, уравнивая монгол в правах с китайцами.

Третья глава «Защита российского влияния в Халхе и Урянхайском крае в деятельности российских дипломатов» посвящена дипломатическим шагам российских консулов, предпринятым для защиты экономических и торговых интересов Российской империи в Северной Монголии и Урянхайском крае.

В параграфе 1 – «Халха накануне Первой мировой войны» говорится о том, что в начале XX в. Халха (Северная Монголия) превратилась в мятежный край. Выступления против маньчжуров вспыхивали в разных частях страны. За этими и некоторыми другими выступлениями негласно стояли владетельные и невладетельные князья. Маньчжуры отвечали на эти выступления репрессиями, усилением военной оккупации Халхи, значительным усилением и пополнением маньчжурских гарнизонов в ряде городов и населённых пунктов.

По мнению посланника, агентурные сведения о состоянии торговли в регионе и расстановке политических сил должны были «содействовать развитию нашей торговли и изучить местность с военной точки зрения. Иркутский генерал-губернатор информировался агентурой, работавшей под руководством кяхтинского пограничного комиссара. Именно агентура зафиксировала отделение Халхи (Северной Монголии) от Китая и введение монголами пошлины на китайские ввозимые и вывозимые товары, что прекратило ввоз китайских товаров в Монголию.

Центром освободительного движения в Монголии стала Халха. В июле 1911 г. в Урге, втайне от маньчжурских чиновников, состоялось совещание крупнейших светских и духовных деятелей Монголии во главе с Богдо-гэгэном. На нём присутствовали и представители Внутренней Монголии. Предложения монголов о полном отделении страны от Китая, о восстановлении государственной независимости Монголии, включая Внутреннюю Монголию, о покровительстве России над новым монгольским государством были русским правительством отклонены. Однако Россия согласилась взять на себя роль посредника между Ургой и Пекином.

Тем временем, российскими дипломатами констатировалось бессилие нового республиканского правительства Китая. По сообщению посланника в Пекине иркутскому генерал-губернатору, труднопроходимые пространства препятствовали китайцам бороться с отделившейся Халхой. Отделение северных монгольских территорий от Китая и проникновение российских капиталов в Монголию стало целью работы для появившегося в Урге консульского агента, а затем консула.

3 ноября 1912 г. в Урге были подписаны межправительственное Русско-монгольское соглашение и Протокол к нему – первые международные документы нового государства, которые Монголия и Россия понимали каждый по-своему. Протокол предоставлял русским широкие права на деятельность в Монголии: свободное передвижение и проживание на территории Внешней Монголии; свобода торговой и промышленной деятельности, включая разного рода сделки как с отдельными лицами, так и с фирмами и учреждениями.

Деятельность русских во Внешней Монголии носила достаточно широкий характер, но не угрожала суверенитету Монголии. Важной частью русско-монгольских экономических отношений провинциальный чиновник считал вопрос обеспечения условий деятельности российских промышленных предприятий в крае. В результате многие российские предприниматели стали строить горнодобывающие заводы в Монголии.

В параграфе 2 «Деятельность российского консула в Урге в период Первой мировой войны» говорится о том, что с 1914 года основной задачей дипломатического агента в Урге стало окончательное определение международного «статуса» Монголии путем трехсторонних российско-китайско-монгольских переговоров. При наличии у русских крупных торговых интересов в Урге следовало ожидать открытого вмешательства России.

В дублирующих донесениях консула, сообщениях разведчиков штаба Иркутского военного округа также отмечалась слабость ургинской власти. Стремясь усилить свое влияние в Монголии, консул России в Урге во время переговоров проводил там активную финансовую политику. По соглашению от 17 сентября 1914 г. выдаваемая российским Министерством финансов ссуда должна была поступить в Монгольское казначейство, организованное русским советником, и расходоваться по особым, одобренным русскими, сметам на «культурные задачи»

В результате инвестиций отношение монголов к русскому консульству и русским, по сообщению консула, значительно улучшилось. Полученную от России трехмиллионную ссуду монгольское правительство расходовало на развитие финансового хозяйства, внутреннее устройство и реформы, решение различных культурных задач, эксплуатацию горных богатств, улучшение скотоводства, содержание и обучение войск

25 мая 1915 г. между Россией, Китаем и Монголией после длительных 8-ми месячных переговоров в Кяхте было подписано трехстороннее

соглашение, уточняющее международно-правовой статус Халхи как автономии в составе Китая.

Таким образом, в 1914–1915 гг. Монголия зависела от российских капиталов, кредитов, военной помощи. Именно это позволило российскому правительству воздействовать на ургинские власти и склонить их к тройным переговорам в Кяхте.

В параграфе 3 «Проблемы статуса Урянхайского края в переписке российских дипломатов в 1911–1917 гг.» говорится о попытках российских консулов решить вопрос о международном статусе Урянхайского края. После 1911 г. проблема Урянхайского края стала достаточно острой в отношениях между Россией, Монголией и Китаем. Некоторые русские промышленники, связанные с предпринимательством в этом крае, стали выступать с предложением о присоединении урянхайской земли к России.

В конце 1911 г. на особом совещании Совета министров под председательством В.Н. Коковцева обсуждался вопрос, может ли считаться Урянхайский край принадлежащим Российской империи? На совещании было отмечено, что документальных подтверждений вхождения Урянхайского края в состав России нет, но было принято решение постепенно осваивать Туву.

Говоря о монгольском влиянии в Туве отметим, что провозглашение независимости Монголии оказало самое серьезное влияние на урянхайцев. В феврале 1912 г. они изгнали всех китайских купцов. Этот эпизод обнаружил серьезные противоречия между Ургой и Петербургом в Урянхайском вопросе. Что же касается позиции Пекина, то её выразил китайский парламент, принявший в мае 1912 г. декларацию о принадлежности Урянхайского края к Западной Монголии, которая в то время находилась полностью под властью Китайской республики.

Однако ургинское правительство не хотело терять Урянхайский край. Оно по-прежнему посылало туда своих чиновников, которые собирали подати с урянхов. Отряд урянхайских добровольцев постоянно находился в Кобдо, являясь частью монгольских войск.

Четвертая глава - «Изучение политического влияния иностранных держав в Китае как вида деятельности российских консулов в 1911–1918 гг.» содержит два параграфа.

В параграфе 1 рассмотрено политическое влияние иностранных держав в приграничных районах Китая.

Важным объектом наблюдения российских консулов в Маньчжурии с 1907–1908 гг., когда в регионе появились генеральные российские консульства, было экономическое и политическое проникновение иностранных держав на эту приграничную с Россией территорию. Так, уже в 1909 г. по сообщению консула в Мукдене, число поселившихся японцев в Маньчжурии составляло 100 тыс. человек. Японцы активно осваивали отобранный у России в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. Ляодунский полуостров

Российских консулов очень интересовало сближение Китая и Германии накануне Первой мировой войны, выразившееся в военно-техническом сотрудничестве. По мнению русских консулов, это сотрудничество базировалось на вопросе строительства железной дороги в Маньчжурии. Благодаря германской финансовой помощи, происходило увеличение военного присутствия Китая в Маньчжурии; участились столкновения японских и китайских воинских частей.

В параграфе 2 «Позиция Китая в отношении мировой войны (по донесениям российских дипломатов)» говорится о деятельности дипломатов по реализации программы российского правительства по укреплению тыла страны. Немаловажное значение принимала для правительства России позиция Китайской республики. В этих условиях политическое положение в Китайской республике, отношение китайских властей к европейской войне, характер китайского нейтралитета вызывали значительный интерес у российских дипломатических и разведывательных служб. На начальном этапе войны в 1914 г. дипломатические органы России в Китае сообщали о политической ориентации Китая и передислокации военных сил вдоль русско-китайской границы.

Китайские власти запрещали своим подданным публично высказывать свои суждения о войне и военных действиях воюющих сторон. Кроме того, купцам предписывалось не повышать искусственно цены на товары и продукты, вывозимые в Россию. Китайцам, за исключением торговцев, запрещалось выезжать в воюющие страны. В создавшихся условиях происходила борьба российских спецслужб с китайскими и германскими, при этом российская разведка контактировала с японской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт консулов в России развивался в соответствии с общеевропейскими принципами. Тем не менее, на Востоке (в Китае и Монголии) полномочия консулов были шире. Это выражалось в необходимости постоянных контактов с Приамурским, Иркутским, Туркестанским генерал-губернаторами и вместе с ними воздействовать на провинциальные власти Китая для разрешения так называемых «пограничных дел».

В начале XX в. основными направлениями деятельности консулов на Востоке являлась защита интересов российских подданных и осуществление контроля за ними, консульское обеспечение экономических интересов России в приграничных районах Китая, а также ведение информационной работы в целях изучения военно-политической, экономической и социальной обстановки в Китае. Организация консульской службы в целом удовлетворяла предъявляемым к ней требованиям.

Русские консулы глубоко вникали во внешнеполитические проблемы, понимая, что дальневосточные регионы были чрезвычайно важны для России в военно-стратегическом и геополитическом отношении. Русские консулы и посланники (М.Н. Кузминский, И.Я. Коростовец и др.) адекватно оценивали международную обстановку, понимая стремление Китая получить в данном

регионе сильную власть. Они особо подчеркивали в своих донесениях факты «притеснения китайскими местными властями русской торговли».

Важной сферой деятельности русских дипломатов стала поддержка русской таможни в Маньчжурии в 1911–1917 гг., так как режим свободной торговли по Амуру был ликвидирован российской стороной после Синьхайской революции, что, в свою очередь, способствовало изменению экономической составляющей русско-китайских отношений.

Серьезной проблемой для русских дипломатов стал нелегальный ввоз спирта из Китая в дальневосточные регионы империи и вопрос запрещения продажи спирта русскому населению в Монголии и Китае. Они отчетливо понимали, что борьба с контрабандой спирта имеет не только экономическое, но и государственное значение.

Важным для России был вопрос эксплуатации в регионе золоторудных месторождений. Защита интересов российских промышленников и стала основной целью российских дипломатических инициатив в этом регионе. Военный губернатор Забайкальской области попытался удалить с приисков Верхне-Амурской компании всех китайцев и русских, занимающихся хищнической добычей золота.

Анализ источников показывает, что русские консулы вполне осознавали опасность экономического и политического проникновения иностранных держав в эту приграничную с Россией территорию, где особую предприимчивость проявляли японцы, которые занимались, в основном, торговлей и предпринимательством. Они активно осваивали отобранный у России в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. Ляодунский полуостров. Но неожиданно отпор японскому проникновению в Китай последовал со стороны Соединенных Штатов Америки. Президент США обещал поддержку Юань Шикаю в противодействии японской экспансии.

Особую сложность для российских дипломатов составляло окончательное определение международного «статуса» Монголии. В конце 1913 г. в китайском правительстве был поднят вопрос о возможности военного захвата Урги. Но, в конце концов, китайская сторона склонилась к решению проблемы дипломатическим путем. После начала Первой мировой войны российские консулы пытались решить проблему мобилизации запасных из Монголии в российскую армию.

Политическое положение в Урянхайском крае в годы Первой мировой войны отличалось нестабильностью и сложностью. После событий 1911 г. урянхи попросились под покровительство России. Из секретных донесений консула в Кобдо следует, что российские дипломаты в 1912–1913 гг. опасались, прежде всего, действий Китая в Урянхайском крае. В то же время следует отметить, что в среде российских дипломатов не было единого мнения о методах решения проблемы Урянхайского края.

Особую заботу у русских дипломатических агентов вызывала проблема взаимодействия германской и китайской разведок. Всем китайским учреждениям, ведающим шпионажем, было поручено усиленно следить за

передвижением русских войск. В создавшихся условиях происходила борьба российских спецслужб с китайскими и германскими.

Таким образом, общее состояние российско-китайских отношений в 1911–1918 гг. характеризовалось многофакторными противоречиями. Но определяющим моментом в этих отношениях были проблемы русско-китайской торговли. Поэтому основными функциями российских консулов в приграничных районах Китая с Россией – Синьцзяне, Монголии и Маньчжурии, были вопросы, связанные с торговлей. Российские консулы обладали правом судебного разбирательства по вопросам, связанным с гражданскими исками российского и китайского торгового населения на территории консульского округа. Российские консулы также активно участвовали в переписке с пограничными властями по вопросам расширения прав российских предпринимателей в регионе.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ РАБОТЫ:

В изданиях перечня ВАК:

1. Семенов В.С. Деятельность иностранных консулов в Восточной Сибири и на русском Дальнем Востоке. / В.С. Семенов // Восток. Афро-азиатские общества, 2011. № 5, -С.141-150.

2. Семенов В.С. Российские разведывательные органы на русско-китайской границе накануне и в годы Первой мировой войны//Вестник ИрГТУ. 2011. №7. - С. 457-463

В других изданиях:

3. Семенов В.С. Дипломатические проблемы России на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны/ В.С. Семенов // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти профессора В.И.Дулова (26-27 марта 2010 г.). ГОУ ВПО ВСГАО – Иркутск, 2010.- С.315-321.

4. Семенов В.С. Деятельность российских разведывательных органов на русско-китайской границе накануне и в годы Первой мировой войны//Вестник Международного центра азиатских исследований. Вып 17. ВСГАО, Иркутск.-2010.-С.19 -25.

5. Семенов В.С. Формирование и реализация плана разгрома Квантунской армии в 1945 г. // Силовые структуры: история и современность. Вып. 15. ВСИ МВД РФ, Иркутск.- 2011.- С.45-50.

6. Семенов В.С. Проблемы русско-китайской приграничной торговли в работе консулов в Монголии // Силовые структуры: история и современность. Вып. 16. ВСИ МВД РФ. -Иркутск, 2011. -С.109-123.

7. Семенов В.С. События во Внутренней Монголии начала XX века глазами российских консулов в Манчжурии // Силовые структуры: история и современность. Вып. 16. ВСИ МВД РФ.- Иркутск, 2011. -С.123-128.

8. Семенов В.С. Иностранное проникновение в Манчжурию глазами российских консулов. Вестник ВСИ МВД РФ. Вып. 3(58) Иркутск, 2011.- С 87-95.